

То, что можно за месяц, делать не будем

25 февраля в Гатчине открывается XI Фестиваль "Литература и кино". В его конкурсе — сразу две картины о Марине Цветаевой: "Елабуга, или Сон о Марине" В. Игнатюка (Казанская студия кинохроники) и "Страсти по Марине" А. Осипова по сценарию О. Агишева. В российский документальный кино имя

Оделиши АГИШЕВА, сценариста, лауреата Государственной премии, связывается прежде всего с циклом фильмов Андрея Осипова, посвященных поэтам Серебряного века. Почти двух десятков призов на различных фестивалях удостоились "Голоса", повествующие о Максимилиане Волошине, обладательницей "Ники" и "Золотого Орла" стала "Охота на ангела, или Четыре любви поэта и прорицателя", рассказывающая об Андрее Белом. Завершила эту своеобразную трилогию лента "Страсти по Марине" о Марине Цветаевой. Так что круг тем в разговоре определился сам собой.

— Одельша Александрович, одна из вечных наших привычек — сравнивать и соотносить. Если с этой точки зрения взглянуть на культуру Серебряного века...

— ...то соотношение, на мой взгляд, будет не в пользу сегодняшнего дня. Что касается кинематографа, его уровень не просто снижается, ему сознательно диктуются низкие критерии. Ведь о чем вас просят при обсуждении проектов на некоторых, не хочу называть, каналах: только никакого арт-хауса, никакого напряжения, не злоупотребляйте, не надо, лучше попроче, попримитивнее, скажем — муж приехал из командировки, а жена не одна. Подобные изменения чрезвычайно тревожны. Россия всегда жила неким духовным градусом. Конечно, не надо розовых очков: были идеология, цензура, все понятно, давным-давно известно, но при всем том — духовный градус и профессиональный уровень. И то и другое сейчас сильно занижено. Правда, последние тенденции обнадеживают, ощущается стремление к иным категориям, вроде надо только оттолкнуться, и, может быть, начнем всплывать.

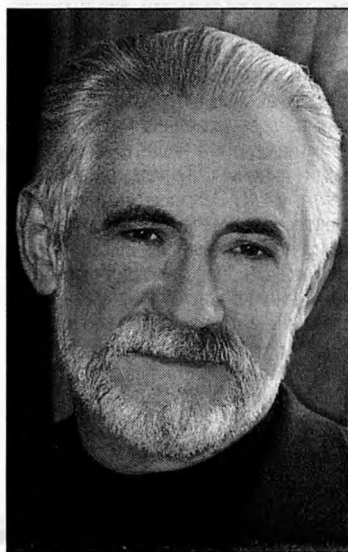
— Раньше была "фига в кармане", запретный плод, теперь, кажется, фиг и плодов не хватает.

— Это верно, настоящее искусство рождалось в изоляции борьбы. И так не только при советской власти было, то же отличало и Средние века, даже Возрождение, когда полагались заданные темы на евангельские сюжеты. Но при этом присутствовала огромная человечность, Господь Бог иной раз представлял тогда даже излишне человечным. А когда исчезает и подтекст, и все в лоб — это вот бандит, а это — новый русский, — становится скучно.

— Подозреваю, нет ничего более скучного, чем заниматься хрестоматийным и обязательным, когда речь о великих именах. Наверняка у вас с режиссером Осиповым свои отношения с архивной пылью? Тем более что последний совместный проект связан с Цветаевой.

— С Мариной Ивановной было очень сложно. Честно говоря, я хотел делать сценарий о Брюсове, но на Брюсова не дают денег, а на Цветаеву немножко дали. Она в моде, востребована где-то там в Швеции, а значит, есть надежда, что купят, и вот такие меркантильные соображения становятся главными. Из этого вовсе не следует, что я не люблю цветаевской поэзии, но в тот момент душа лежала к Брюсову. И конечно, ни за что не взялся бы за Цветаеву, если бы, не оставляя еще для себя возможности выбора, входя в материал, не понял вдруг, что хочу это делать. И Волошин, и Белый, в меньшей, правда, мере и Цветаева были в чем-то подвержены мистике. Разумеется, я материалист, но ощутил, что какая-то мистическая энергетика там присутствует, особенно в Волошине. Кроме того, все они бывают неприступными, сопротивляются, но потом все же допускают к себе. Цветаева — чрезвычайно сложный человек, закрытый, даже надменный, отталкивающий того, кто пытается понять ее. Мол, читайте стихи, разбирайтесь, если охота есть. О личном сразу заявила, что несудима, неподсудна. Какие-то ее высказывания могут показаться теперь не просто резкими — чудовищными. Например, утверждает, что не любит "детей, простонародья, крестьян, деревню". Повторяет это несколько раз. Есть высказывания и похлестче: "Ненавижу крестьян, похожих на коров, и коров, похожих на крестьян". Как может произнести такое российский поэт!

О Цветаевой уже столько написали, столько снято. Как после этого, спрашивается, снова обращаться к ней, сумасшедшим надо быть. Но вот нашлись такие сумасшедшие — Андрей Осипов, Наталия Желтухина, Ольга Шапошникова, я. И вся эта команда захотела завершить нашу трилогию о Серебряном веке. Путь для себя я определил как поиск тех фактов, что были или неизвестны, или не изучены, или изучены не слишком подробно. Хотелось найти о Цветаевой еще не рассказанное. И

О. Агишев

факты обнаружились. Кому-то они могут показаться мелкими, но для меня за ними встает тот самый второй план, который нам всегда важен, которого добиваемся.

Естественно, основные вехи ее биографии хорошо известны, мы от них не отходим и не имеем права отходить. В картину включены и известные стихи, но есть и малоизвестные строки. Есть письма Цветаевой, опубликованные только в 2000 году. Кое-что нашлось в них, кое-что в дневниках и письмах Георгия Эфрона, сына Цветаевой и Сергея Яковлевича Эфрона, кое-что в недавно вышедших новых воспоминаниях, иногда недостаточно доброжелательных. Когда по этим материалам, как по вехам, проходишь ее судьбу, то выясняется, что свежий взгляд возможен.

Не знаю, насколько нам это удалось, но можно собрать образ этой возмущительной, надменной, нелюдимой, иногда резкой, дерзкой и абсолютно гениальной женщины. Один человек, посмотревший наш черно-белый, без музыки еще материал, признался, что больше всего ему понравилось, что в картине впервые, кажется, нет боготворения. То есть мы заранее знаем, что вы знаете, что Цветаева гений, теперь давайте посмотрим, что она за человек. А тут и плюсов хватает, и минусов много, и, конечно же, в прямом и переносном смысле удушающее время, которое ее погубило. Подробности есть поразительные.

В утро ареста дочери Цветаевой Али, часов в пять, какой-то молодой, веселый, обаятельный человек начал стучать в окно большевского дома, всех перебудил, выясняя, все ли домочадцы на месте. Марину Ивановну это так перепугало, с этого стука начался ее великий страх. Конечно, тот человек проверял, дома ли

Аля, за ней пришли через два часа, но он говорил о совершенно посторонних вещах, а Марина Ивановна все равно жутко испугалась. И еще одна потрясающая деталь. Когда Борис Пастернак вместе с песенником Виктором Боковым провожали Цветаеву на пароход, отплывавший в Елабугу, место эвакуации, у Цветаевой раскрылся чемодан, плохо заперся. Марина Ивановна накануне говорила об этом Пастернаку, и он, не забыв, принес с собой бечевку. Чемодан перевязали, а потом эта бечевка оказалась в руках у Цветаевой в трагический момент ее ухода из жизни.

— А нет ли в тех же подробностях про "крестьян и коров" авторского стремления сократить дистанцию между необычным персонажем и зрителем?

— Во-первых, я все равно перед Цветаевой благоговейно хотя бы потому, что не способен написать ни одной равной ей поэтической строчки. А во-вторых, что бы там ни говорили, кино всегда остается популяризатором, и эта его черта мне в принципе близка. Думаю, и перед нами, и перед следующим поколением стоит задача огромной важности — вернуть зрителя в кинотеатры. В России только 6 процентов зрителей смотрят отечественное кино, все остальные — привозное, из них 90 — американское. Ничего против этого не имею, его отличает высокий профессионализм, сам смотрю с удовольствием, так что далек от запретов. Пусть будет выбор, но в этом выборе мы должны быть если не наравне, какое там равенство — они богаче, но соревноваться с открытым забралом. Что-то мы можем делать не хуже. Да, некоторое упрощение, да, версия, основанная на обыкновенных вещах. Чтобы расшифровать цветаевское "Поэму воздуха", надо изрядно потрудиться, это описание полета вырастает в описание запрета, запретного, загробного существования, и мы попробовали вставить в картину часть этого произведения, и это органично влилось в фильм. На этот раз мы использовали минимум хроники, только фотографии и съемки, несколько условные — подъем Души, четыре времени года, призрачный какой-то дом деревянный в Елабуге, еще некоторые места, где Цветаева бывала, а теперь мы их разглядываем в ее отсутствие. Получается смесь игрового и документального. Нам все это нравилось, загорелись, но потом задумались: с экрана звучат стихи, и в соединении с изображением это так тонко, что кое-где рвется и народ начинает скучать. Нам этого не хочется, фильм о Цветаевой надо смотреть до конца, чтобы приблизить ее, сделать круг ее читателей шире. Да, эта задача просветительская. Когда "Поэму возду-

ха" читаешь в третий раз, она становится понятной, потому что полет в ней описан с такими аллюзиями, — вся мировая культура собрана в этом полете.

— Вы можете представить Марину Ивановну в реалиях сегодняшнего времени?

— Нет, нынешний поток пошлости в литературе и на экране ее бы точно подкосил. Она раздражалась от сталинской цензуры, от того, что вокруг публикуется, от того, что видела на экранах после возвращения в СССР в 39-м году. Но меру ее нынешнего ужаса перед массовой культурой даже трудно предположить, она все же была аристократом духа. Еще одна поразительная деталь. В Париже Марине Ивановне помогала некто Ломоносова, у которой был сын Борис. Благоговей перед Цветаевой, как перед великой поэтессой, Ломоносова ежемесячно присылала ей какие-то деньги. Однажды они не пришли, с опозданием Ломоносова прислала извинительное письмо, сообщила о постигшем ее горе — смерти сына. На что Цветаева отвечает: "Боря-то умер, но я-то жива, мне пришлось трудно, я же рассчитывала на ваши деньги". Какое-то полное ощущение себя над бытовыми, житейскими, даже трагическими частностями, неподчинение им. И к Достоевскому она относилась скептически, и Чехова терпеть не могла, "чеховщина" была для нее самым страшным ругательством. Об этом можно говорить много, но беспочвенно другое, драматические размышления рожают чувство, что к широкому зрителю путь наших "Страстей по Марине" будет трудным, пока они ему не очень нужны. А сериалов я не делаю. Перед этой проблемой стоит и Осипов, у него есть даже какой-то заказ, я ему всячески советую взяться, материальное еще никто не отменял.

— А о сериале вдвоем с ним вы не думали?

— Идея есть, и нам кажется, есть возможность приблизиться к высокому планке. Возникло даже название "Крымские вечера" или "Крымские ночи". Вечера, ночи, современность и ретро, может быть, даже пара эпизодов, связанных с Серебряным веком, но отдать этому надо два года безденежья, трудностей. А то, что можно за месяц, мы делать не будем. Продюсеры предлагают Андрею уже что-то готовое, как им кажется. Но Осипову это готовым не кажется. У него есть игровой сценарий, который написала одна моя ученица во ВГИКе. Сценарий ему нравится, но снова возникает вопрос: кому это нужно?

Беседу вел
Николai ХРУСТАЛЕВ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ